

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Выход в свет «Русского этимологического словаря» М. Фасмера, который приобрел значение крупнейшего события в этимологии, подводящего итог современной научной работе в этой области, явился закономерным этапом в истории этимологической науки и этимологических словарей. Славянская этимология начала, как известно, с попыток синтеза, из которых даже наиболее совершенная породила впечатление преждевременности и среди научной критики, и у автора. Такова была судьба неоконченного «Славянского этимологического словаря» Э. Бернекера. Собственно уже тогда можно было говорить о начале нового в славянской этимологии периода этимологических словарей отдельных славянских языков, которые последовали один за другим в разное время в зависимости от местных условий и других причин.

Это были (не говоря об отдельных более ранних трудах, быстро утративших научное значение) «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского, вышедший начиная с 1910 г., т. е. почти одновременно со словарем Бернекера, затем «Этимологический словарь польского языка» А. Брюкнера (1927 г.), ряд изданий «Этимологического словаря чешского (чехословацкого) языка» Й. Голуба (последнее издание совместно с Ф. Копечным — в 1952 г.), «Этимологический и орфографический словарь болгарского литературного языка» С. Младенова (1941 г.), наконец, «Этимологический словарь чешского и словацкого языка» В. Махка (1957 г.), «Этимологический словарь польского языка» Ф. Славского (начиная с 1952 г.) и «Русский этимологический словарь» М. Фасмера.

Специфика местных условий, а подчас и ситуация накладывали отпечаток на эти труды. История болгарского этимологического словаря сложилась так, что он получил возможность увидеть свет только как орфографический словарь литературного языка; чрезвычайная близость двух языков Чехословакии имела следствием то, что этимологические словари в этой стране продолжают выходить до последнего времени в довольно своеобразной форме этимологического словаря двух языков вместе — чешского и словацкого. Однако как наиболее существенный факт следует отметить все яснее сознаваемую необходимость этимологического словаря для каждого славянского языка в отдельности. Отсутствие этимологических словарей для доброй половины славянских языков — явление, несомненно, временное; создание этимологических словарей славянских языков Югославии или, например, у нас создание словаря украинского языка — вопрос близкого будущего. То же можно, по-видимому, сказать об этимологическом словаре словацкого языка (заявки на который сделаны уже давно несколькими исследователями), о полабском этимологическом словаре. Менее ясны перспективы составления серболужицкого этимологического словаря. Нужно признать крайне неудовлетворительным тот факт, что у нас еще даже не поставлен вопрос о создании этимологического словаря белорусского языка. При всем этом совершенно очевидно, что знамение современной этимологии является преимущественный интерес к созданию этимологических словарей для каждого языка. Хотя это, естественно, не может исключать

продолжения работы по составлению синтезирующего труда, тем не менее имеются все основания считать именно работу над частными этимологическими словарями наиболее важной и перспективной.

Если ставить во главу угла в современном этимологическом исследовании интерес к достижению наиболее точного результата, единственного этимологического решения, то нельзя не признать сейчас, что надежной предпосылкой для этого может послужить в первую очередь создание этимологических словарей для каждого языка. Только наличие в руках исследователя таких справочников, отвечающих современному уровню науки, сделает реальным и интересным словарь-синтез, который охватывал бы все славянские языки. Назовем некоторые из проблем, удовлетворительное разрешение которых возможно лишь в рамках этимологического словаря данного языка: это: собственная история слова и его семантического развития: этимология местной лексики как позднего происхождения, так и древних диалектизмов; географическое распространение, особенно важное при изучении вышеупомянутой лексики.

Могут возразить, что все перечисленное осуществимо в рамках общего славянского этимологического словаря. Однако это не так, и в действительности получается то же, что почти неизбежно постигает составителей этимологических словарей, предпочитающих гнездовой способ любому другому: слова, лишаемые собственной истории, собираются вокруг этимологически основного слова, характерные производные находятся в одном ряду с образованиями массовой продуктивности — процедура, только формально оправдываемая основным принципом генетического родства морфем в этимологии, а на деле искусственная, затрудняющая дальнейшее исследование. Известно очень много случаев, когда удобное, казалось бы, обобщение всех производных в одной статье этимологического словаря оказывается преждевременным, а многие из этих производных обнаруживают самостоятельные этимологические связи, уводящие за пределы не только данного этимологического гнезда, но и данного языка. Несколько полезных примеров приводил из своего опыта Славский, нашедший нужным выделить производное польское *gromki* в отдельную статью из статьи *grom*, так как *gromki* обнаружило признаки заимствования из русского. Не случайно Махек, действовавший по другому принципу, прошел мимо многих случаев самостоятельных этимологических связей. Критическая проверка выявила, что производные чеш. *popraviti*, *silnice* и др., полностью обезличенные в его словаре и включенные в крупные этимологические статьи *pravý*, *сила*, являются семантическими заимствованиями, кальками. Продемонстрированные на этих примерах преждевременного или несколько поспешного синтеза пригнати этимологического исследования позволяют, может быть, конкретнее представить себе результаты составления общего славянского этимологического словаря, а также реальную пользу от такого словаря на данном этапе. Скорее всего обнаружится резкое несоответствие между огромным затраченным трудом и небольшой действительной его полезностью для дальнейшей работы. Вот почему первоочередное значение сейчас приобретает этимологический словарь отдельного славянского языка. Сам по себе выход каждого такого словаря вполне естественно воспринимается как большое событие, которому обычно предшествует длительный период ожидания, когда потребность в подобном словаре ощущается все отчетливее.

*

Создание русского этимологического словаря (или словарей) имеет уже довольно длинную историю. Долгое время основным справочником по русской этимологии оставался словарь Преображенского, пользующийся и сейчас широкой известностью и не утративший до сих пор научного значения. Недостатки его хорошо известны. С другой сто-

роны, нельзя не упомянуть о крупных достоинствах этого словаря, который долгое время честно выполнял задачи обстоятельного справочника с хорошей сводкой многочисленных работ по этимологии и суждений, извлеченных из литературы по сравнительному языкознанию. Это немалая заслуга Преображенского, выгодно отличающая его словарь в данном отношении от некоторых других этимологических словарей. Во всяком случае опыт показал, что в этой области даже работа, принадлежащая перу первоклассного лингвиста и этимолога, может иметь довольно ограниченное значение как орудие труда, если она лишена аппарата, или носит слишком индивидуальный характер, или же объединяет обе эти особенности. Видимо, составителю этимологического словаря нельзя не считаться с тем проверенным на практике фактором, что лучший словарь — это в первую очередь сводка состояния этимологии языка, содействующая дальнейшему прогрессу в этой науке, а не собрание истин в последней инстанции. Так, словарь Брюкнера, принципиально игнорирующий литературу вопроса, довольно плохо выполняет задачи справочника. Точно так же, например, далекий от него по стилю латинский этимологический словарь Эрну — Мейе (с этимологической частью, выполненной Мейе), тоже избегающий библиографических ссылок, не может заменить словаря Вальде. С другой стороны, ограниченное значение как справочник может иметь и новый этимологический словарь Махка, где чрезмерно велика доля эксперимента, основанного главным образом на довольно оригинальных и не поддающихся проверке идеях автора.

Словарь Преображенского выдержал довольно успешно испытание временем — возможно потому, что он, не будучи в полном смысле слова оригинальным произведением, выигрывал благодаря своим качествам хорошего рабочего справочника. Однако любой этимологический словарь, вышедший сорок лет назад, не в состоянии удовлетворять современным запросам. В таких условиях работа по этимологии слов сопряжена с большими затруднениями и неизбежно предполагает огромную трату труда и времени на предварительные поиски. Нельзя не признать, что выход в свет словаря Фасмера явился весьма своевременным.

Появление словаря Фасмера совпало с определившимися в послевоенные годы во многих странах подъемом исследований по славянской и русской этимологии. Однако составление этого словаря, как и этимологические интересы его автора, имеет гораздо более глубокие корни. Мысль о создании этого словаря появилась у Фасмера полвека тому назад, еще до выхода труда Преображенского. К ее осуществлению автор шел долгие десятилетия, выполняя ряд подготовительных работ и собирая материал. Языковедческая подготовка Фасмера может считаться идеальной для составителя этимологического словаря русского языка. Но кроме хорошего знания многих языков, которые окружают русский язык или сталкивались с ним в процессе истории, Фасмера всегда отличал подлинный вкус к этимологии. Работая над самыми различными проблемами этимологии, Фасмер с особенным интересом обращался к этимологическому исследованию ономастики и лексических заимствований. Разумеется, тематика его этимологических трудов гораздо шире. В ней значительное место занимают исконно славянские элементы словаря, но наиболее яркие достижения крупнейшего немецкого слависта заключены в его этимологических исследованиях ономастики (прежде всего топонимии и гидронимии) и заимствованных элементов словаря. Достаточно назвать такой образец тонкости анализа и необычайной точности, как этимология, вскрывшая в греческом названии Πόντος "Ἀέλιος (позднее — Εἰῆλιος) народно-этимологическое преобразование первоначального пранского названия моря *axšaēna* — «темный» и одновременно объяснившая дошедшее до нас название *Черное море* как перевод древнейшего названия. Широта этимологических интересов с ощутимым на общем фоне предпочтением к заимствованиям и ономастике

нашли полное выражение в «Русском этимологическом словаре» Фасмера.

Новый этимологический словарь русского языка публиковался с 1950 г. по 1958 г. выпусками, составившими три тома¹. Критика единодушно отметила как положительной факт чрезвычайную регулярность выхода частей словаря и вообще быстроту выпуска всего этого капитального труда. Собственно говоря, весь словарь был готов в основном уже в 1949 г. Общее впечатление, которое оставляет словарь, — это одинаковый (точнее — одинаково высокий) уровень содержания от первого до последнего выпуска. Эта равномерность изложения вместе с таким внешним фактом, как быстрый выход в свет, — объективные свидетельства зрелости труда. Между прочим, как будто ни один из рецензентов словаря Фасмера не занимался тем, чтобы, сравнивая различные части по мере выхода в свет, решать, насколько 2-й выпуск лучше 1-го, 3-й — лучше 2-го и т. д. ... Наблюдение это не лишено основания, тем более что почти одновременно с этим редкий рецензент, занимаясь разбором словаря Славского, не высказался по поводу того, насколько этот словарь делается содержательнее от выпуска к выпуску. Трудно сказать, чего больше в такой оценке — одобрения все возрастающему усердию автора или осуждения его стиля работы.

«Русский этимологический словарь» Фасмера — крупнейший по объему этимологический словарь русского языка. Обращаясь к принципам его построения, мы остановимся прежде всего на объеме словаря и его словнике. Собственно говоря, этот словарь по своему объему (свыше 1900 страниц мелкой печати основного текста, не считая вспомогательного аппарата) и по количеству статей (гораздо более 10 000) превосходит также все существующие этимологические словари славянских языков и может считаться одним из крупнейших этимологических словарей вообще. Фасмер стремился вобрать в свой словарь все, что оказалось возможным. Автор, составлявший словарь-справочник по такому принципу, вправе рассчитывать на благодарность читателей и ученых, которым предстоит работать, имея этот словарь под рукой. Фасмер буквально спас целый ряд слов и выражений для этимологического исследования, как справедливо указал один из рецензентов. Кроме редких и устаревших слов, в словарь волились широкой струей диалектизмы и несколько сот собственных имен, что также никоим образом не может считаться отрицательным явлением. В объяснительном словаре-справочнике должны быть представлены все слова, нуждающиеся в объяснении, в том числе употребительная в данном языке ономастика. В конце концов возражения, особенно против включения последней, носят непринципиальный характер. В основном это ссылки на непомерное разрастание словаря. Им можно противопоставить, пожалуй, более принципиальные доводы, а именно: ономастика, употребительная в данном языке, вообще по праву должна быть отражена в этимологическом словаре этого языка; отбор и ограничение при этом целесообразно производить, включая названия, нуждающиеся в этимологизации, а также служившие предметом анализа в этимологической литературе. Без этого задача этимологического словаря — отразить современное состояние этимологии — будет выполнена недостаточно.

Таким образом, нет смысла спрашивать, зачем в словаре Фасмера помещены статьи *Азовское море*, *Днепр*, *Днестр*; полезность их очевидна. Но можно упрекнуть автора в том, что он не включил имени *Редеда*, о котором имеется этимологическая литература; что в статье *Мищера* он не упомянул важнейшей этимологии этого названия — от этнонима *megyer/magyar* «мадьяры, венгры»; что в статье *Царицын* он тоже не упомянул правильного старого объяснения этого названия как народной этимологии древнего топонима *Saryğün* — столица Хазарпп, соб-

¹ В настоящее время словарь Фасмера готовится у нас к изданию в переводе на русский язык.

ственно «желтоватый». Спорить с автором приходится по частным вопросам, соглашаясь с его принципом в целом.

Обилие диалектной и малоупотребительной лексики в словаре Фасмера смущает некоторых читателей, впрочем без особого на то основания. Это привилегия этимологического словаря, его специфика в отличие от словарей нормативных, а упомянутая лексика — насущный хлеб этимологии, которая в поисках генетических и словообразовательных связей не делает тех различий между словами, которые приняты в нормативных словарях. Этимологический словарь литературного языка — это, если угодно, смешение двух понятий, различных по своей природе. Вообще ограничивать этимологический словарь в этом смысле — значит выхолащивать понятие этимологии. И если иногда ограничения диалектной лексики предпринимают сами этимологи, то это только снижает ценность их словарей для исследователя.

Охарактеризованные особенности словаря Фасмера свидетельствуют о богатстве его словника, о последовательности стремления автора дать возможно более полный этимологический словарь. Разумеется, при этом не обошлось без пропусков, и рецензенты смогли указать Фасмеру ряд слов, не нашедших отражения в словаре. Нельзя не отметить, что специфичность аспекта этимологического словаря, обращенного в прошлое, привела к тому, что характерные пропуски наблюдаются не в сфере реликтов, диалектных и редких слов, а среди слов, без которых нельзя себе сейчас представить русского языка, по замечанию одного из рецензентов. К уже известным случаям можно добавить замеченные пропуски таких употребительных слов, как *вратарь*, *зараза*, *лютик*, *майка*. Названные слова должны были по праву занять место в словаре, поскольку они к тому же нуждаются в этимологическом комментарии. Первое из них — *вратарь* — новое образование с суффиксом *-арь* от церковнославянского по происхождению слова *врата*, носящее характер кальки, ср. немецкий футбольный термин *Torwart* «вратарь» (*Tor* «ворота»). Слово *зараза* привлекало в последнее время неоднократно внимание исследователей, причем имели место попытки объяснить его как заимствование из арабского через турецкий² или как исконно индоевропейский элемент, родственный арм. *sracut'wn*³. Но, кажется, проще и вероятнее всего это слово может быть объяснено как сложение с префиксом, родственное слав. **raziti*, русск. *разить*. Точно так же следовало бы включить слово *лютик* — название цветка, произведенное от *лютый*, видимо, не без влияния латинского термина *Ranunculus sceleratus* и уже основательно деэтимологизировавшееся. Причина такого наименования заключается в качествах этого лугового растения, приносящего вред скоту⁴. Наконец, слово, без которого, действительно, нельзя себе представить современного русского языка, — обиходное слово *майка* «легкая рубашка спортивного типа». Это, по-видимому, сравнительно молодое слово можно считать производным от названия месяца, хотя отсутствие исчерпывающих сведений о возрасте и истории этого слова не позволяет говорить об этом с полной уверенностью, почему следует также иметь в виду другую этимологическую возможность (исключающую связь с *май*), а именно — происхождение из источника, общего с польск. *majtki* «матросские штаны», *majtek* «матрос» — голл. *maat* «матрос», *maatje* «матросские штаны».

Предложенные дополнения не противоречат общей направленности словаря Фасмера, что доказывает случайный характер этих пропус-

² К. Н. Державин, Этимологические заметки, сб. «Романо-германская филология», Л., 1957, стр. 165.

³ V. P i s a n i, Armenische Studien, I — Zur armenischen Etymologie, KZ, Bd. 68, 1944, стр. 160.

⁴ Сведения о слове см. в кн.: V. M a c h e k, Česká a slovenská jména rostlin, Praha, 1954.

ков. Было бы неправильно думать, что Фасмер сознательно архаизировал словник. Напротив, все, что только он мог собрать, вплоть до новейших и подчас эфемерных образований, он поместил в своем словаре.

Словник словаря Фасмера значительно возрос также благодаря преимущественному применению аналитического метода с первоочередным вниманием к особым производным, к словообразовательным моделям. Это замечание касается, таким образом, как состава словника, так и словарной статьи. Следуя в основном принципу расчленения и выделения важных словообразовательных моделей, Фасмер, очевидно, исходил из понимания того, что практика этимологических гнезд, применяемая в некоторых этимологических словарях как преимущественная, обедняет реальные этимологические и словообразовательные отношения. В качестве довольно типичного примера такого расчленения можно указать, что в словаре Фасмера выделены в особые статьи близкие слова *меж*, *межа*, *между*, *межень*, *межеумок*, *межи*, *межуток*, не считая отдельных статей *междометие* и *междоусобие*. Естественно, что Фасмером сделано не все возможное в этом направлении. Отдельные важные производные случайно остались вне поля зрения. Так, помимо статьи *белый*, желательно было бы в соответствии с упомянутым принципом поместить статьи *белесый* и *белым*, старые образования, имеющие соответствия в других славянских языках. Вполне заслуживает одобрения включение Фасмером статей типа *лебединая песня* (отдельно от статьи *лебедь*). Точно так же следовало бы включить статью *медовый месяц*; и то и другое — относительно поздние кальки литературного происхождения. Название *мать-и-мачеха* тоже могло бы занять самостоятельное место, помимо статьи *мать*. Недавние исследования показали, насколько интересны этимологические и семасиологические проблемы, связанные с этим словом и вообще с названиями этого цветка в разных языках.

Структура словарной статьи у Фасмера не вызывает каких-либо особых замечаний и в целом выдержана в старых традициях. После русского слова с его значением перечисляются родственные слова остальных языков, начиная с украинского и кончая серболужичскими. Затем следует, как правило, собственно этимологическая часть: в заключение ее обычно дается хорошая библиография в сжатом виде, в которой нашел отражение уровень лексикографической разработки привлекаемых языков, и прежде всего русского, а также современное состояние этимологических исследований. Без дальнейших слов ясно, с какими трудностями встретился Фасмер при обработке исторической части статей, в вопросах датировки первого появления слова. Он проделал огромную работу над большим числом опубликованных текстов, чтобы как-то дополнить сведения Срезневского, — словом, сделал все возможное для человека, находящегося вдали от богатых рукописных картотек собственно старорусского периода. Словарь Фасмера показывает, как много еще надо сделать в этом отношении. Неудивительно, что указанные в нем даты первого появления слов, особенно заимствованных, имеют весьма условное значение и могут быть значительно отодвинуты, как известно из некоторых работ, появившихся после выхода в свет словаря Фасмера. Точность и полнота исторической части этимологической статьи — дело будущего, и, вероятно, не очень близкого. Думается, что и в этимологическом словаре, написанном с новыми средствами, она не будет представлять собой попросту пересаженную из исторического словаря статью. Исчерпывающий характер исторической части этимологической статьи (где должно найти место лишь то, что существенно для этимологии) и соответствующей статьи исторического словаря — разные вещи. Об этом сказать не лишне, тем более что на недавнем съезде славистов высказывалось обратное мнение, а именно, что историческая статья этимологического словаря должна все более разрастаться как единственно достоверная. Такая точка зрения не учитывает специальных задач этимологического словаря.

Сведения о русской диалектной лексике, тоже, как известно, далекие от полноты, неизбежно сообщают в ряде случаев лишь относительную ценность той части статьи, где Фасмер говорит о распространении слов.

В ряде случаев здесь налицо весьма большие пробелы, винить в которых самого автора приходится в последнюю очередь. Отсутствие подробных сводов диалектной лексики, чрезвычайная распыленность собранного материала затрудняли Фасмеру нередко также использование того, что уже описано и опубликовано. Это неизбежно осложняло этимологический анализ и умножало число слов, охарактеризованных автором как темные. Так, слово *юрáга* «сыворотка, пахтанье», отмеченное у Фасмера как смоленское (по Добровольскому), выглядит совершенно изолированным словом неопределенного возраста и значит как темное. Дополнительно наведенные справки помогли выявить, что это слово было довольно широко распространено на великорусском юге. Отсутствие вместе с тем сколько-нибудь вероятных связей с русской и славянской лексикой позволяет предполагать в слове *юрáга* заимствование, которых, кстати сказать, в словаре русской кухни известно немало количество. Его источником, вероятно, явилось то же болгарское (древнечувашское) слово **yragъ*, косвенно реконструированное Гомбоцем (правильность реконструкции подтверждается сохранением слова в русских диалектах), которое легло в основу заимствованного венг. *író* «сыворотка». Значительная территория распространения слова *юрáга* говорит о давности заимствования. Его источник в современном чувашском языке как будто не сохранился.

Состояние лексикографической обработки двух других восточнославянских языков также нашло полное отражение в словаре Фасмера не только в силу особой близости этих языков к русскому, но и в силу особенности метода Фасмера, который включил в свой словарь на равных правах целый ряд статей, посвященных словам, неизвестным из собственно великорусского: это дает труду Фасмера возможность выполнять отчасти функции восточнославянского этимологического словаря. Пока мы не имеем этимологических словарей украинского и белорусского языков, это расширение рамок русского этимологического словаря должно восприниматься не как роскошь, а как добрая услуга исследователям, хотя временный характер такой практики вполне очевиден. Невеликорусские слова, рассматриваемые Фасмером в самостоятельных статьях, — это в подавляющем большинстве слова украинского языка. Вообще украинский язык обильно представлен в словаре Фасмера, в том числе в сравнительной части, и, насколько удалось заметить, на хорошем уровне. Если белорусский материал в словаре оставляет желать лучшего, то это опять-таки в большей мере вина не самого автора, а отставание лексикографии белорусского языка. Впрочем достаточно сказать, что даже такая элементарная характерная черта белорусского языка, как окончание прилагательных мужского рода *-ы, -і* (соответственно русским *-ый, -ий, -ой*), не отражена ни в одном примере, т. е. как белорусские фигурируют формы *mátyj, mǎkkij*.

Наконец, об этимологической части. Как типичные особенности этой части словарной статьи у Фасмера можно отметить исчерпывающий ее характер, точнее сказать — стремление дать возможно полную сводку этимологий. Авторское критическое резюме, а также очень часто — собственная оригинальная этимология, как правило, присутствуют в статье. Экономная система сокращений делает пользование статьями, как и ориентировку в привлекаемой литературе, простой и удобной. Столь же полный, исчерпывающий характер носит библиография словарной статьи, где постоянно реферируются русские лингвистические работы, как старые, так и последних лет, оказавшиеся доступными автору. Тем более очевидна полнота отражения западноевропейской литературы. Большая заслуга словаря — трезвость и непредвзятость авторских суждений по эти-

мологии, правильно избранный тон, помогающий автору решать вопросы вполне объективно. Пробным камнем, как известно, в этом отношении являются вопросы заимствований, в изучении которых даже серьезные лингвисты нередко вносили элемент излишней страстности и увлеченности.

Ценное качество этимологической части статьи в словаре Фасмера — это пропорциональность, в силу которой каждое из существующих решений — наиболее вероятное объяснение, допустимая гипотеза, неоправдавшееся предположение или случайная догадка — занимают место в соответствии со своим уровнем. Случай произвольного предпочтения одного из решений без упоминания других как будто неизвестны. Это полезный и, по-видимому, единственно правильный метод, в чем убеждает, например, сравнение с творческой манерой другого этимолога. Возьмем собственно этимологическую часть статей о тождественных словах чеш. *blízky* у Махка («*Etymologický slovník*») и русск. *близкий* у Фасмера:

Махек

«*blízky*. . . Возможно, родственно греч. *πῆλας* „близко“, *πλησιος* (дор. *πλῆσιος*) „близкий“, но славяне производили свои формулы от **pl-* по образцу слов *пизъ*, *пизько*; в итоге *p-* было ослаблено в *b-*».

Фасмер

« . . *близкий*. . . Родственно лтш. *blāzīti* „мять, славливать, тереть“, *bliezt* „рубить, бить“, лат. *fligere* „бить, прибивать“, см. Остгоф, KZ, 23, 84, Микунский, РФВ, 22, 291, Бернекер, EW., 1, 61 и сл. Ср., впрочем, также лит. *blįžoti* „лежать, прильнув к ч.-л.“, см. Эндзелин, ЖМНП, 1910, июль, 199. Бернекер приводит семасиологические параллели, напр., греч. *ἵκω* „близко“: *ἵκω* „затягиваю, завязываю“; франц. *près*, ит. *presso*, *appresso* „близ“, к лат. *pressus* „сжатый“. — Неприемлема попытка Микколы, Balt. u. Slav., 37, доказать заимствование *близъ* из др.-в.-н. *bilidi* „картина, образ“. Против см. Бернекер, там же, Мюленб.—Эндз. I, 308, 317, Смешек, Mat. i Pr., 4, 394».

Сравнение говорит само за себя. тем более что в обоих случаях взяты типичные статьи. Если со статьей Махка ознакомится человек, ничего ранее не читавший по этимологии слова, то результат от такой справки можно охарактеризовать попросту как вредный: гипотеза, ценность которой относительна, преподносится Махком как единственное, что можно сказать о слове. Ученый, нуждающийся в подробной справке, ничего не вынесет из чтения этого курьеза. Напротив, в одноименной статье Фасмера сжато представлен весь накопленный наукой опыт по этимологии слова, генетические и семасиологические связи которого выяснены весьма достоверно.

Очень велик в словаре Фасмера процент его собственных этимологий, не говоря уже о поправках, вносимых на каждом шагу в использованные чужие этимологии. Что касается принципов его этимологических исследований, их можно охарактеризовать как традиционные по преимуществу. Фасмер более уверенно оперирует регулярными фонетическими соответствиями, чем примерами их нарушения. Практика этимологического исследования заставляет согласиться с этим принципом как обеспечивающим наибольшую доказательность решений. Надо сказать, что новые принципы, разработкой которых давно занимаются Махек и Отрембский, все-таки не обогатили этимологию ничем существенным, во всяком случае не создали для этимологических исследований новую базу, ибо нельзя говорить о базе там, где все построено на случаях и допущениях. Именно традиционные принципы этимологии, разумеется, обогащенные всем последующим опытом работы и свободные от наивной прямолинейности, дали и продолжают давать до последнего времени прекрасные плоды. Таков, напри-

мер, близкий во всех отношениях к труду Фасмера выходящий сейчас «Литовский этимологический словарь» покойного Э. Френкеля. Напротив, продукция другого направления, наиболее ярко выраженного в работах Махка, а также, например, Яначка, находит, как показывает пример словаря Махка, ограниченное применение. Основной пафос этого направления состоит в чрезмерном, необоснованном обобщении случайных фактов и явлений. Направление, которое явно сопряжено с риском исчерпать себя и вносит в этимологию полную бесконтрольность, не может означать прогресса в этимологии. В конце концов экспрессивные элементы словаря и все своеобразие происходящих в них изменений нашли широкое отражение и в труде Фасмера. Важно иметь в виду, что сфера этих явлений не безгранична.

Традиционность этимологических принципов Фасмера выражается еще в его сдержанном отношении к новым теориям. Фасмер, очевидно, не нашел нужным использовать ларингальную теорию, в его словаре нигде не называется фамилия Куриловича, известная работа Бенвениста по словообразованию тоже не нашла здесь отражения. В последнем случае возможно влияние Шпехта, который в словаре цитируется довольно широко, однако к чести Фасмера следует сказать, что ему совершенно не свойственна тенденциозность, отличающая, например, многие суждения Шпехта о французской лингвистике. Возможно, в некоторых отношениях словарь Фасмера мог бы обогатиться от использования достижений современной лингвистической географии. Впрочем сам автор хорошо видит пробелы и недостатки своего словаря, о чем он специально говорит в послесловии. Для нас интересны слова Фасмера о том, что если бы ему пришлось взяться за словарь снова, он уделил бы больше внимания калькам и вопросам семантики. Значение последней особенно велико в этимологическом исследовании, для которого обоснованность семантических связей и семантических переходов представляет огромную важность. При всем значении семантического аспекта этимологии материал по семасиологии слабо разработан и поэтому труднодоступен. «Словарь индоевропейских синонимов» К. Д. Бака, в адрес которого сказано много теплых слов, слишком часто не в состоянии дать ответ по интересующему этимолога вопросу и вообще носит больше иллюстративный характер. В большом числе случаев по-прежнему приходится для обоснования этимологии проводить специальные семасиологические наблюдения.

О том, как много еще предстоит в этом направлении сделать, могут свидетельствовать два конкретных примера поправок к Фасмеру. Так, правильная этимология слова *петь* может быть, очевидно, определена только при допущении семантической эволюции «совершать жертвенные возлияния» > «воспевать, петь», ср. аналогию и.-е. **ǵheŷ-* «взывать», слав. *zъvati* из и.-е. **ǵheŷ-* «лить», что дает основание сблизить *петь* и *поить*, *пить*. Другой пример: этимология слова *сычуг*. Фасмер объясняет это слово, переводимое им как «сычуг, часть желудка млекопитающих, из которой делают колбасу», заимствованием из тюркских, ср. *половецк. suzug* «кишка, внутренности», *кыпч. sučuk* «колбаса», *чагат. sučuk* «начиненные кишки», *турецк. sudžuk* «колбаса» (вслед за Рясененом и др.). Но колбасу как будто делают только из кишок, и в данном случае Фасмер не совсем верно истолковал случаи употребления слова *сычуг* как названия кушанья (*сычуг* «желудок, начиненный кашей и т. д.»). Что же касается основного и вместе с тем древнего назначения сычуга, определившего, как кажется, и его название, то оно было связано с его способностью выделять фермент, вызывающий быстрое створаживание молока. Это качество сычуга подмечено очень давно, оно и сейчас важно для сыроварения. Этимологическая проверка синонимов — названий сычуга — в других языках подтверждает это. Ср. нем. *Lab*, *Labmagen* «сычуг» от *laben* «тешить, услаждать; квасить», а также осет. *axsæn* «желудок, сычуг» от *axsyn* «створаживать». Развитие значения

«сычуг» в этих языках дает нам право предложить этимологию *сычуг* от *сытить*; ср. еще анализируемое Бенвенистом греческое выражение *τρέφει γάλα* «створаживать молоко», буквально «питать молоко»⁵. Заимствование слова *сычуг* менее вероятно; кстати сказать, вся остальная русская терминология желудка жвачных животных (*рубец, сетка, книжка*) — исконные слова. Важность внимательного учета конкретных семантических связей и аналогий для этимологии акцентируется Фасмером совершенно правильно, и в этом следует видеть одну из первостепенных задач дальнейшего развития славянской этимологии.

*

Перспективы развития этимологии и создания этимологических словарей зависят от успешного разрешения целого ряда вопросов. Это прежде всего — вопрос средств этимологического исследования и вопрос задач самого исследования. В решении первого, важнейшего из этих вопросов этимологии почти всецело зависят от прогресса других областей языкознания, а именно — лексикографии, лингвистической географии. Что касается собственных задач исследования и создания этимологических словарей, они в принципе ясны, и здесь нет необходимости говорить об этом подробно. В настоящий момент в связи с выходом в свет словаря Фасмера разработка принципов построения этимологического словаря, например, русского языка, отнюдь не является наиболее актуальной и трудоемкой задачей. Естественно ожидать, что словарь Фасмера будет заменен в свое время более новым. Но было бы искусственно ставить вопрос об этимологическом словаре русского языка нового типа именно сейчас, когда словарь Фасмера обобщил в большинстве случаев все лучшее и здоровое в этой отрасли языкознания. Залог правильной подготовки нового этимологического словаря русского языка — в дальнейшем совершенствовании принципов словаря Фасмера. Реалистически глядя на вещи, говорить сейчас о скорейшем выпуске нового этимологического словаря русского языка, который заменил бы словарь Фасмера, несколько преждевременно, и дело может продвинуться лишь после выпуска исторических и диалектных словарей, над которыми еще только ведется работа. Разумеется, предварительные работы нужны уже сейчас, и, быть может, правильную их форму подсказывает опыт Московского университета, где недавно был образован специальный центр, проделавший некоторую предварительную работу, в частности, подготовивший ряд сборников «Материалы к этимологическому словарю русского языка». Это начинание, несомненно, полезно уже само по себе, судя по тому, что оно благоприятно сказалось на формировании молодых специалистов, привлеченных к этому делу. Оно могло бы также убедить в необходимости отказаться в интересах дела от «лобового» штурма этимологического словаря русского языка в пользу систематической подготовки нового этимологического словаря в будущем.

⁵ E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Word», vol. X, № 2—3, 1954, стр. 253.